
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Л. Г. Тоноян

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ПОНЯТИЕ ЭВОЛЮЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются понятия и методы классификации в их историческом развитии. Проводятся анализ и интерпретация древа Порфирия как модели эволюционного древа. Уточняется понятие эволюции, эволюционизма и креационизма в связи с проблемами классификации.

Ключевые слова: классификация, каталогизация, древо Порфирия, объем понятия, естественная классификация, эволюционизм, дарвинизм, синтетическая теория эволюции, креационизм.

Abstract: The paper deals with concepts and methods of classification in the context of their historical development. The Porphyrian Tree is selected for analysis and interpretation as a model of the evolutionary tree. The notions of evolution, evolutionism and creationism are reviewed and emended in view of the problems of classification.

Keywords: classification, catalogues, Porphyry's Tree, concept scope, natural classification, evolutionism, Darwinism, synthetic theory of evolution, creationism.

1. Как рисовать «Древо Порфирия»?

Данная статья продолжает исследование, предпринятое мною в статье «Основы теории классификации в трактатах Аристотеля», опубликованной в выпуске 6 «Логико-философских штудий»¹. В ней было показано, что основные проблемы классификации были заложены в логических и в естественнонаучных трактатах Аристотеля. Аристотелевский подход был разъяснен наиболее подробно Порфирием во «Введении к «Категориям» Аристотеля и Боэцием в трактате «О делении». Рассмотрев различные способы деления², Порфирий и Боэций основное внимание уделили родо-видовому делению. Это произошло по той причине, что такой способ деления в наибольшей степени способствовал аристотелевской цели определения. А теория определения

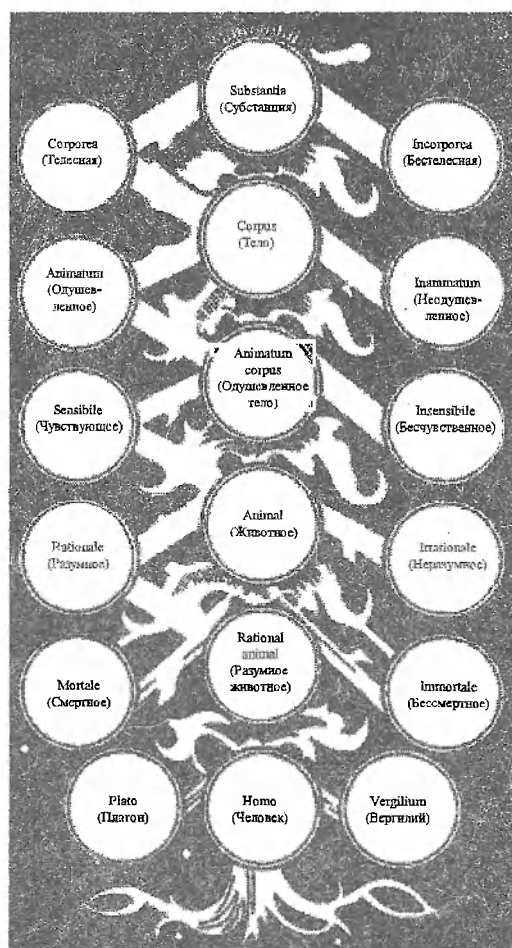
¹ Логико-философские штудии. Вып. 6. СПб., 2008. С. 28–36.

² Деление предмета: 1) как рода на виды (животные делятся на разумных и неразумных), 2) как целого на части (дом «делится» на крышу, стены и т. д.), 3) как слова — на несколько значений («пес» означает и четвероногое животное, и небесное тело в созвездии Ориона). Можно делить и признаки, и тоже тремя способами.

© Л. Г. Тоноян, 2010

Аристотеля построена на сущностном, субстанциальном подходе. В «Древе Порфирия» сущностный подход оформляется в наглядную иерархию сущностей.

В публикациях трактата Порфирия мы не встречаем рисунок древа. Изображение древа мы впервые видим в трактате Боэция «Комментарии к Порфирию», опубликованном в 64-м томе «Патрологии» Миня³:

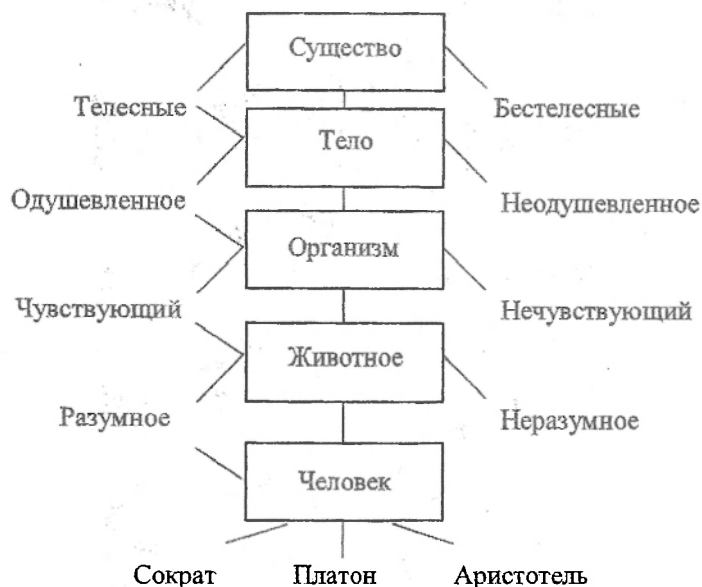


Венчает древо сущностей высший род (абсолют, не имеющий над собой рода), ниже расположены промежуточные роды и виды (каждый из них является родом по отношению к другому виду, но видом по отношению к вышерасположенному роду), но последний, неделимый вид, уже родом ни для

³ Migne J. P. Patrologiae cursus completus. P. Patrologia latina. T. 64, col. 103.

какого вида не является. В самом низу — индивиды: Платон, Вергилий и т. д. Рисунок этот до сих пор по праву считается основополагающей схемой всякой классификации. Однако в этом рисунке многие исследователи отмечают неточность. Г. Г. Майоров, ответственный редактор и составитель русского издания трактатов Боэция, пишет в примечаниях по поводу этого рисунка: «Схема перепечатана из издания Миня (PL, t. 64, col.103), без исправления допущенной в ней небольшой оплошности: низший вид — “человек” — должен был бы соединяться со своим родом “разумное животное” через отличительный признак “смертное”»⁴.

В дальнейшем многие изображения древа Порфирия восполняют недостающую линию, как, например, следующий рисунок, взятый уже из учебника по логике начала XX в. Г. Челпанова⁵.



Между тем можно предположить, что вина не в художнике, который за- был нарисовать соединяющую палочку. Если мы более внимательно вчитаемся в тексты Порфирия и Боэция, то увидим, что художник в точности следовал авторскому разъяснению.

⁴ Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1996. С. 240.

⁵ Челпанов Г. Учебник логики. М., 1994. — Заметим, что Г. Челпанов в согласии со своими воззрениями пропустил субстанциальный для человека признак «смертное», отрицая у разума свойство быть бессмертным.

Посмотрев на нижний уровень деления, отделенный от выше расположенных, мы заметим, что он представляет собой совершенно иной вид деления: *не рода на виды, а вида на индивиды*. То есть мы видим перед собой на одном рисунке два различных подхода к делению: деление рода на виды и деление вида на индивиды.

О различии этих двух подходов обстоятельно говорится в трактатах Порфирия и Боэция. Последний вид, или в высшей степени вид «человек», нарисован отдельно, возможно, по той причине, что он в отличие от вышестоящих понятий не может быть родом. «Сам же человек не будет... родом для Катона, Цицерона и Платона, но только видом. При этом человек называется видом, с одной стороны, по отношению к отличительному признаку разумного, с другой — по отношению к Катону, Платону и другим; в обоих случаях он назван видом по разным причинам. Видом разумного он является потому, что разумное разделяется на смертное и бессмертное, причем человек — смертное. Тот же человек называется видом по отношению к Платону и прочим отдельным людям потому, что человек — это субстанциальное и *последнее* (выделено мной. — Л. Т.) сходство в форме всех людей»⁶.

Иначе говоря, «ствол» древа Порфирия составляют только *роды*, последовательно подчиненные друг другу, начиная с высшего, который является родом, но видом не является. Далее проходит линия разрыва, граница, *под* которой коренятся *последние виды* с подпадающими под них индивидами (как сказано у Боэция, последний вид стоит *под*, но не может стоять *над*). «Облика же, обращенного к низшим, он (последний вид. — Л. Т.) не имеет, так как в его подчинении нет никаких видов. ... Дело в том, что индивиды, подчиненные последнему виду, таковы, что в отношении субстанции представляют собой нечто одно, так как между ними нет субстанциальных различий, а есть только акцидентальные, так что они, по видимости, отличаются друг от друга только числом. Получается, что о последних видах можно сказать примерно так: им подчинено и множество видов, и в то же время как бы ни одного»⁷.

То есть можно различать далее понятие «человек» по возрасту, полу, форме носа и т. п., но такое деление будет не по субстанциальным признакам, а по акцидентальным, и определения вида не даст, а даст лишь различные по числу группы предметов. Таким образом, «человек» у Аристотеля и его комментаторов не является родовым понятием и не подлежит дальнейшему логическому делению.

Род всегда должен иметь несколько видов, но вид может быть видом одного единственного индивида (солнце, луна, птица феникс и т. п.). «Все [вещи], нахо-

⁶ Боэций. Утешение философией и другие трактаты. С. 46–48.

⁷ Там же. С. 49–50.

дящиеся под последними видами, либо бесконечны [по числу], либо определяются конечным числом, либо сводятся к единичности. До тех пор пока есть хоть один индивидуум, всегда будет оставаться вид, и если число индивидов будет уменьшаться до единицы, вид от этого не пострадает, поскольку даже если ему подчинено множество индивидов, они, как мы сказали, не имеют субстанциальных отличий. Такого нельзя сказать о роде... Если бы один из этих видов погиб и под родом остался бы один-единственный, то род по понятию перестал бы быть родом. Но не так обстоит дело с видами: если бы все, подчиненные виду индивиды погибли, и виду пришлось бы высказываться об одном-единственном, он все же остается и останется видом»⁸.

Как видим, в тексте есть достаточные основания для того, чтобы отделить, различить эти два вида деления: субстанциальные признаки делят единый, высший род на множество родов и видов, а акцидентальные признаки делят предметы на группы по числу, т. е. по признаку, который имеет лишь количественное измерение. В месте разрыва — «переход» от деления по качеству к делению по количеству. Родовидовое деление — это деление по качеству (видовому отличию), «акцидентальное» деление, деление по случайному признаку — деление по количеству. «Акцидентальное» деление наиболее пригодно, по-видимому, для математических методов классификации.

Но проблема состоит, конечно, не в том, дорисовывать ли черту (ветку) в «древе Порфирия»⁹, а в том, как изображенные на рисунке два подхода соответствуют принятым в логике трактовкам объема понятия.

2. Что такое объем понятия?

Совершенно ясно, что классификация строится на логической основе, на основе деления объема понятия. Определение объема понятия — одна из основополагающих проблем логики. От ее решения зависит и решение классификационных проблем. Из различных определений объема понятия мы выделим два основных.

Исторически сложилось так, что под объемом понятия имеют в виду либо множество предметов (индивидов), либо множество подмножеств (родов и видов). В первом случае объем представляет собой эмпирический переход от индивидов к виду (например, «человек» — это целое, включающее в себя в качестве частей отдельных людей), во втором — это роды и виды предметов, так сказать, понятия второго уровня, вторые сущности Аристотеля («человек» — это иерархия множеств, состоящих из подмножеств — родов

⁸ Там же. С. 51–52.

⁹ В дальнейшем в истории логики будут встречаться разные варианты «древа Порфирия».

и видов). Классификацией, как правило, называют то, что построено на отношении рода и видов. Но ведь последний вид состоит из индивидов, находящихся в отношении подпадения (принадлежности) к виду, а не подчинения вида роду. Такое перечисление индивидов в отличие от классификации назовем **каталогизацией**. Можно предположить, что при помощи теоретических понятий строят классификацию, а при помощи эмпирических понятий составляют каталог. Если считать классификацией только иерархию классов, то все равно придется столкнуться с вопросом о том, куда подпадет тот или иной предмет. Значит, следует дать такое определение объема понятия, которое позволит посчитать каждый предмет, и притом только один раз. Собственно, такая модель трактовки понятия и представлена в «древе Порфирия». Иерархия понятий от высшего рода до последнего рода — это иллюстрация того, что нами названо собственно классификацией, а нижняя часть рисунка — иллюстрация другого способа деления, которое мы назвали каталогизацией. В статье, посвященной теории классификации Аристотеля, мы предлагали, как и многие исследователи, считать классификацией только родо-видовое деление. По-видимому, такое деление нужно называть классификацией в узком смысле слова. В широком смысле классификация включает в себя и каталогизацию с тем условием, чтобы четко отличать названные два вида деления. То же касается и объема понятия: следует различать *эмпирический* объем имени и *логический* объем понятия, хотя то и другое в широком смысле слова составляют объем понятия. Если ввести таксон «последний вид», то каждый отдельный предмет будет подпадать только под один вид (класс). Так, в классификации Аристотеля «человек» является последним видом, и дальнейшему логическому делению не подлежит. Это значит, что, деля это понятие по признаку пола, цвета кожи, группе крови и т. д. и т. п., мы уже не получим новых видов, а лишь модификации внутри вида. То есть можно изменить цвет кожи, пол, заменить кровь человека либо другие его особенности, но его видовое отличие при этом сохранится.

Определение отношений «род–вид–индивид» является одним из главных достижений Аристотеля и лежит в основе всякой классификации.

3. Существуют ли естественные классификации?

Среди классификационных проблем одной из самых животрепещущих является проблема о соотношении искусственных и естественных классификаций. Что можно сказать о ней в связи с вышеизложенным? Классификация К. Линнея, который в своей «Системе природы» описал 65 естественных групп растений, стала в XIX в. считаться искусственной после того, как была заменена естественной классификацией, которой в соответствии с гипотезой Дарвина

был придан филогенетический смысл, т. е. классификационные группы стали располагаться соответственно путям предполагаемого эволюционного развития. А. Л. Субботин отмечает, что естественную классификацию характеризуют полнота эмпирически установленных естественных групп и плодотворное теоретическое начало¹⁰. Он отмечает также, что эволюционизм как такое начало имел решающее значение для науки¹¹. Подтверждением такой мысли могут служить такие образцы классификации, как таблица Менделеева и новая биологическая систематика, возникшие как результат эволюционного учения.

Что же нового внесло эволюционное учение? В аристотелевской классификации животного мира также давалась природная последовательность, лестница природы, однако виды в ней носили завершённый характер, и ни один вид не мог перейти в другой, соответственно никаких промежуточных форм лестница не предполагала. Собственно, «древо Порфирия» и представляет собой древо эволюции: направленное движение сущностей от телесных через одушевленные к разумным существам. Эволюцию мы здесь понимаем как последовательное развертывание. Например, чтобы быть человеком, надо быть сущностью, обладающей телом, имеющим душу, но душу, обладающую чувствами, а обладающее чувствами может обладать и разумом. Таким образом, в человеке, как в семени, свернуты его существенные свойства, что и создает логическую связь, логический переход от вида к роду: если человек, то разумное животное, если разумное животное, то... и т. д. ... тело.

С возникновением христианского учения в философии и науке утвердилось креационная теория, т. е. теория сотворения мира Творцом из ничего в течении шести дней. Несмотря на важное отличие креационизма от воззрений Аристотеля, который полагал, что мир не имел начала, классификационные принципы Аристотеля были приведены христианскими философами в согласие с гипотезой творения. Это стало возможным потому, что и в гипотезе творения, как и в теории Аристотеля, имеет место последовательное возникновение форм неживой и живой природы. Как в западной, так и в восточной философии, из которой позже отпочковались естественные науки, применялся классификационный подход Аристотеля. Не было исключением и православие. Один из основателей православного учения св. Иоанн Дамаскин свой «Источник знания» начинает с логики Аристотеля, точнее, с его учения о предикациях, об иерархиях сущностей, которые и представлены в «древе Порфирия». «При описании тварного мира Дамаскин во многом следует трактатам Аристотеля о природе. Так, трактату Аристотеля “О небе” соответствуют разделы “Точного изложения православной веры”, в которых говорится о небе, свете, огне, свети-

¹⁰ Субботин А. Л. Классификация. М., 2001. С. 69.

¹¹ Там же. С. 85.

лах: солнце, луне, звездах и т. п. Разделы, трактующие о воздухе, ветрах, водах, морях, земле и т. п., написаны с оглядкой на аристотелевскую “Метеорологику”. Наконец, разделы, посвященные человеку, написаны под влиянием аристотелевского трактата “О душе”¹².

Таким образом, значительный отрезок нашей эры, с IV в. вплоть до XVIII, главным и, видимо, единственным, общетеоретическим началом в науке, в частности в биологии, выступал креационизм. Последним приверженцем аристотелевской логической классификации, использующим в качестве теоретического начала исключительно креационизм, был К. Линней, «Система природы» которого представляла собой последовательное описание трех царств природы — минералов, растений и животных, неизменно существующих со дней божественного творения. Креационизм не помешал ему поместить человека в один отряд с обезьяной, следуя Аристотелю, который поместил человека в «род» двуногих живородящих, способных рассуждать и вспоминать¹³. Ведь сравнивая морфологию человека с морфологией других животных, распределяя организмы по мере их усложнения, Аристотель нигде не говорит о превращении одних форм в другие. Понятно, что речь идет о теле человека, иногда о душе, но никак не о его духе.

В XIX в. накопившийся богатый эмпирический материал науки, с одной стороны, диалектика Гегеля — с другой, отодвинули на задний план дедукцию и метафизику Аристотеля. Эволюционизм в науке XIX в. развивался постепенно благодаря трудам как естествоиспытателей, так и философов — Бюффона, Канта, Гегеля, Гердера, многих других и, конечно, Ч. Дарвина. Как отмечает А. Л. Субботин, эволюционизм постепенно проникает в самые различные сферы знания и становится почти обязательным компонентом научных воззрений¹⁴.

Обратим внимание на то, что эволюционизм становится главенствующим направлением в естественных науках именно в период позитивизма, когда естественные науки уходят из-под крыла философии, всячески освобождаясь от какой-либо метафизики. Но если мы вкупе с религией отрицаем и философию, то саму науку превращаем со временем в религию и философию, как, собственно, и произошло с учением Дарвина. Как мы знаем, оно с легкостью было перенесено из биологии в социологию (социал-дарвинизм) и во многие другие естественные науки. Даже философия со второй половины XIX в. поверила в универсальность эволюционного подхода и стала всячески осво-

¹² Спинин Я. А. Богословие и логика в «источнике знания» Иоанна Дамаскина. Послесловие // Св. Иоанн Дамаскин. Источник знания. СПб., 2006. С. 343.

¹³ Аристотель. История животных. М., 1996. С. 76.

¹⁴ Субботин А. Л. Классификация. С. 85.

бождаться от метафизики. Рассмотрим, к примеру, неокантианство, в котором основное внимание уделялось обобщению данных естествознания конца XIX — начала XX в.

Влиянием эволюционизма можно объяснить неокантианское учение о преобразовании понятия «вещь» в понятие «отношение». Например, неокантианец Э. Кассирер проводил в своих работах противопоставление понятий «род» и «ряд», понятия о субстанции и понятия о функции. Он пытался доказать, что аристотелевское понятие о сущности, роде превратилось в науке в понятие о функции, ряде. Применительно к проблеме классификации это означает отказ от ее иерархической структуры, построенной на понятии качества, рода, в пользу исключительно математических отношений. Развивая идеи Канта, неокантианцы доказывали, что метафизическая субстанция, идея вещи неизбежно превращается в отношение, а всякое понятие о вещи в связи с этим превращается в понятие об отношении, т. е. в суждение¹⁵.

Однако родовые понятия за прошедшие с тех пор полтора века, как и следовало ожидать, никуда не исчезли, как не исчезло и понятие вещи, по крайней мере, в макромире. Не исчезли они ни из естественных наук, ни из философии. Не оправдались и ожидания дарвинистов: гипотеза Дарвина в том виде, в каком он ее предложил, так и не превратилась в теорию, поскольку не нашла достаточного для теории эмпирического подтверждения¹⁶ по уважительной причине — для наблюдений нужны миллионы лет. Ни один вид не перешел в другой вид, и нет никаких доказательств существования промежуточной формы между, скажем, человеком и обезьяной. Существование общего предка — гипотеза, не подтвержденная мировым научным сообществом. Сотни ученых в мире выступают против фальсификаций, применяемых нередко эволюционистами, и требуют смены научных парадигм¹⁷. Гипотеза креационизма в этом отношении имеет тот же недостаток: она не может быть доказана экспериментально¹⁸.

Несомненно, может возникнуть вопрос о том, каким образом решаются проблемы эволюции в современном дарвинизме — синтетической теории эволюции (СТЭ). Она появилась в 30-х годах прошлого века в связи с очередным кризисом дарвинизма и синтезировала многие идеи, часть из которых отвергает гипотезу Дарвина и использует идеи креационизма. Основатель

¹⁵ Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб., 1996. Репринтное издание. Гл. 1. К теории образования понятий. См.: http://www.koob.ru/books/poznanie_i_deystvitelnost.rar (дата обращения: 3.03.2010).

¹⁶ См.: <http://www.creationism.org/crimea/pdf/126.pdf> (дата обращения: 3.03.2010).

¹⁷ См.: <http://cnews.ru/news/t/print.shtml?2006/06/26/226195> (дата обращения: 3.03.2010).

¹⁸ См. сайт эволюционистов-монополистов, отвергающих креационизм даже как гипотезу. — <http://evolbiol.ru/index.html> (дата обращения: 3.03.2010).

СТЭ Дж. Хаксли начал с утверждения о том, что наследование приобретенных признаков невозможно. Естественный отбор стали относить не к особям, а к популяциям. Далее изменили понятие эволюции: если по Дарвину эволюция — это постепенное развитие, то теперь утверждают, что эволюция не всегда идет постепенно, но периоды стазиса сменяются рывком (теория прерывистого, точечного равновесия). Открытия в генетике приводят к предположению о том, что наследственность дискретна. Современная теория эволюции все более и более усложняется, роль случайности в ней все более и более возрастает. В качестве методологической основы неodarвинизм опирается на синергетику. Теперь в биологию переносят идеи, взятые из области прикладной термодинамики, как в свое время эволюционизм перенесли из биологии в другие, в том числе естественные науки.

Синергетика рассматривает объекты исследования как динамические, обладающие движением системы. В этих системах происходит эволюция, «возникновение порядка из хаоса». Новое качество возникает в так называемой точке бифуркации. «Среди новых идей и представлений, которые внесла синергетика (динамика нелинейных систем) в понимание развития, особо следует выделить концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации, когда *случайные флуктуации в состояниях неустойчивости приводят к формированию аттракторов в нелинейной среде* и последующему возникновению новых параметров порядка. То, что в традиционном диалектическом описании развития структурно не анализировалось, а просто обозначалось как «скачок», «перерыв постепенности», «переход в новое качество», теперь стало предметом научного анализа»¹⁹.

Возможно, в качестве модели синергетика гораздо глубже, научнее описывает объект исследования как систему. Однако организм и тем более человек как единство тела, души и духа намного сложнее, чем самая «самодвижущая» система. Для описания жизни данная модель явно недостаточна. Рано или поздно придется решать старые метафизические вопросы, вернуться к Аристотелю.

Принятая ныне биологическая классификация удовлетворяет как эволюционной гипотезе, так и креационной. И прежде всего потому, что креационизм не отвергает эволюцию в буквальном смысле (*evolutio* — *лат.* развертывание): развертывание имеет место внутри вида (одного генофонда), но ни один вид не может развернуться, превратиться в другой²⁰. Эволюцию мы

¹⁹ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. — <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml> (дата обращения: 3.03.2010).

²⁰ Африканский и азиатский слоны относятся к разным родам, *Loxodonta* и *Elephas*, имеют непересекающиеся ареалы и в природе, естественно, не скрещиваются, а вот скрестить тигра и льва возможно по той причине, что они имели общего генетического предка, т. е. имеют общий генофонд.

наблюдаем в первую очередь в индивидуальном развитии человека. Но генетическая программа все равно не учитывает свободу воли человека.

Эволюционная теория могла бы считаться обоснованной, если бы нашелся общий предок человека, имеющий геном, общий для человека и обезьяны.

И та, и другая гипотезы более соответствуют современному этапу науки с преобладанием в ней гипотетико-дедуктивного метода, который пришел на смену необходимому, но ограниченному индуктивному методу. По-видимому, следует признать, что в классификационном «узле», как в семени, субстанции, заложена программа собственного развития, и поэтому один вид не может перейти в другой, но могут происходить изменения внутри последнего вида. Индивиды внутри последнего вида могут развиваться, эволюционировать как в пространстве, так и во времени, приобретая или теряя те или иные привходящие, акцидентальные признаки, но никак не изменяя свой сущностный признак. Только при этом условии возможна классификация в аристотелевском понимании. В его логике она выступает как операция деления родового понятия, отвечающая правилам: 1) деление должно производиться по одному основанию; 2) члены деления должны исключать друг друга; 3) деление должно быть последовательным, без скачков, 4) должны быть перечислены все члены деления. Если взять самые известные примеры классификации — таблицу Менделеева и биологическую систематику, то в них указанные правила практически полностью выполняются. Из этих правил особо следует обратить внимание на второе: **виды не пересекаются**, каждый из них образует отдельную сущность.

4. Классификация и понятие эволюции

То, что среди биологов есть креационисты (Р. Вирхов, К. Бэр, Г. Мендель, Л. Пастер, Л. С. Берг и многие другие), а среди богословов, и не только католических (последователей Т. де Шардена), но и современных православных (А. Мень, А. Кураев, Л. Цыпин) есть эволюционисты, является свидетельством того, что понятие эволюции не уточнено.

К чему относится эволюция: в целому, к части, к роду, к виду, к индивиду, геному? Ученые говорят о противоречиях между макро- и микроэволюцией.

Теперь вернемся к вопросу о том, стали ли «эволюционные» классификации более естественными. Критерий естественности таксона сформулировал в 1840 г. У. Уэвелл²¹. Он называл *естественной* такую классификацию, в которой сохраняется упорядоченность объектов при смене классификационных признаков. В логике XIX в. были сформулированы два основных индуктив-

²¹ Мейен С. В. Основные аспекты типологии организмов. — <http://www.kudrinbi.ru/public/451/index.htm> (дата обращения: 3.03.2010).

ных правила: «1) из возможных групп сходных объектов предпочтение надо отдать той, которая основана на наибольшем числе сходных признаков («золотое правило» английского логика и психолога Александра Бэна (1818–1903), 2) из числа сходных признаков следует выделить такой, который объяснял бы все остальные или служил их показателем»²². А ведь, собственно, так и характеризуется существенный признак в учении о понятии: сходство в этом признаке влечет за собой сходство во многих других признаках. Милль приводил в качестве неестественного таксона таксон «курносые люди», поскольку он не объединит в группу вместе с Сократом людей, у которых наибольшее количество признаков, сходных с имеющимися у Сократа.

В этих индуктивных правилах построения классификации мы можем усмотреть связь с дедуктивным учением о существенном признаке. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой *естественность*, движение в классификационную систему вносит связь индукции с дедукцией, когда формальное объединение в группы по случайному признаку (индуктивное обобщение) удается соединить с дедуктивно выстроенной классификационной схемой понятий. Такой схемой продолжает служить уточненное «древо Порфирия». В гносеологии XIX в. после Канта стали повсеместно различать эмпирические понятия и чистые, теоретические понятия. Мы полагаем, что в «древо Порфирия» эмпирическим понятиям соответствуют последние виды, а теоретическим понятиям — промежуточные роды и виды. Этим объясняется тот факт, что классификация есть одновременно и индуктивный метод обобщения, и дедуктивный способ рассуждения. В естественной классификации эти два уровня в наибольшей степени взаимосвязаны.

Различие двух указанных способов деления выразим в таблице:

Способы деления классификаций

Деление вида на индивиды	Деление рода на виды
1. Производится по акцидентальному, случайному признаку.	1. Производится по субстанциальному, сущностному признаку.
2. Эмпирическое обобщение, индукция.	2. Теоретическая классификация, дедукция.
3. Описательная классификация.	3. Объяснительная классификация.
4. Понятие о функции.	4. Понятие о субстанции.
5. Отношение принадлежности элемента множеству.	5. Отношение подчинения.

²² Якушин Б. Классификация // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 524.

Полагаем, что принципы, заложенные в «древе Порфирия», должны быть положены в основу такой трактовки объема понятия, при которой будут учтены оба подхода (объем как множество множеств и объем как множество элементов), т. е. объем — это множество множеств конкретных предметов. Такая трактовка объема должна лечь в логическое основание классификации. В этом случае каталогизация будет входить как часть в классификацию, и последняя будет представлять собой распределение предметов некоторой области на множества, а множеств — на иерархию множеств вплоть до последнего. Классификация в каждой области должна сначала выделить то, что Аристотель называет родом, видом и последним видом. Особую роль играют родовые понятия, образованные существенным признаком. Образование таких родовых понятий можно соотнести с актами Божьего творения, когда Бог создавал растения и животных «по роду их» (Быт. 1: 11–31). Нынешний уровень развития науки о живом в качестве такого родового понятия имеет, видимо, геном как некую неизменную сущность. Иерархия таких понятий заканчивается последним видом, внутри которого наблюдаются развитие, изменение, случайность.

Заключение

Удивительное явление имеет место в нашей жизни. Нас окружают в основном люди, признающие эволюционное учение Дарвина. Этому учат всех от детского сада до вуза. Прошло уже 150 лет с тех пор, как книга Ч. Дарвина совершила переворот в умах. Но когда на лекции или в беседе даешь определение человека через родовое понятие «животное» (а поскольку наука занимается телесным, определение через другое понятие дать она и не может), встречаешь недоуменный взгляд, в том числе и человека с высшим образованием. А уж если, не дай Бог, назовешь конкретного человека животным, то он, пожалуй, на тебя и в суд подаст и потребует моральной компенсации. В связи с этим явлением хочется спросить, в том числе и эволюциониста: в чем здесь причина?

Конечно, причин немало. Можно, в частности, указать и причину лингвистического характера. Слово «животное» образовано из церковно-славянского слова «живот» — жизнь, и означает живое существо, обладающее душой. Животная душа у Адама общая с другими животными, но имеет свое видовое отличие — она создана Богом «по образу Нашему и подобию Нашему» (Быт. 1:26).

Если признать дискретность ступеней эволюции, принципиальную невозможность перехода одного вида в другой, сведения одной формы жизни к другой, в данном случае принципиальную невозможность никакого животного, кроме человека, обладать разумом, то, пожалуй, люди перестанут обижаться, когда их станут причислять к животным.

«Древо Порфирия» — модель эволюции, в которой находит отражение прерывисто-непрерывный характер развития. И креационисты, и эволюционисты могут использовать эту модель для объяснения естественных процессов. Естественная классификация достигается в результате соединения широкой базы индуктивных обобщений со свободным выбором теоретических оснований.

Проведенное исследование позволяет предположить, что ситуация, когда ученый имеет право на выбор теоретических начал науки — креационизма или эволюционизма — послужит исключительно на пользу самой науке. В прошлые века креационизм был идеологической доминантой, в настоящее время идеологической доминантой, если не догмой, выступают эволюционизм и его новейшие концепции. 150 лет назад критика креационизма эволюционистами способствовала развитию естественных наук. Но перенесенный в область социальную, а тем более в духовную, дарвинизм показал свою несостоятельность. К сожалению, доверие к науке в настоящее время упало, прежде всего потому, что наука лишилась достойных теоретических, философских, религиозных оснований. Если эволюционисты перестанут считать креационизм — антинаучным, а лишь свои гипотезы — научными, наука, возможно, выйдет из нового догматического сна. Столь же полезно было бы для развития критического мышления школьников их знакомство с той и другой гипотезами. В этом направлении предпринимаются первые шаги.

Группа биологов МГУ во главе с академиком Ю. П. Алтуховым выпустила в свет новый учебник биологии для школьников, основанный на гипотезе креационизма²³.

²³ Общая биология. 10–11 кл. / Под ред. Ю. П. Алтухова. М., 2006.